

Рецензии
Reviews

УДК 80/81
ББК 81

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. В. Иванова
г. Москва, Россия

ЕЩЕ РАЗ О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ
В ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Рецензия

на книгу *Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М., 2016. 440 с.*

Информация об авторе рецензии: Мария Валерьевна Иванова — доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А. М. Горького», Тверской бульвар, д. 25, 123104 г. Москва, Россия. E-mail: dekanat@litinstitut.ru

© 2017. Maria V. Ivanova
Moscow, Russia

SOME MORE WORDS ON THE SYSTEM APPROACH
IN LINGUISTICS AND PHILOLOGICAL SCIENCE

Review

On the book “System perspective as the basis for philological idea” (440 pages)
by O. Valentinova, V. Denisenko, S. Preobrajenskij, M. Ribakov

Abstract: The book “System perspective as the basis for philological idea” (440 pages) by O. Valentinova, V. Denisenko, S. Preobrajenskij, M. Ribakov, and published in Moscow at JASK publishing house presents best examples of the numerous opportunities that method of system analysis can bring into linguistics and philological science. This multi-authored monograph consists of 4 parts, i.e. “Theory evolution on typological similarity of languages,” “Language system modeling,” “System approach towards text and style research: explanation for the causality text typology,” “System analysis of lyrics.” In the book the system method is considered according to Melnikov internal theory, based on the premise that the internal language factor is an integrated corestone and is influenced greatly by the external determinant (ex.: peculiarities of communication). The monograph covers wide range of topical scientific issues in modern philological science.

Keywords: system linguistics, system typology of languages, semantic typology, text typology, stihema, systemology, semantic field method, G.P. Melnikov, philology, linguistics.

Information about the review's author: Maria V. Ivanova, DSc in Philology, Full Professor, Maxim Gorky Literary Institute, Tverskoy blvd., 25, 123104 Moscow, Russia. E-mail: dekanat@litinstitut.ru

Received: February 02, 2016

Date of publication: June 15, 2017

Можно ли сегодня представить нашу филологическую науку без системного подхода, без интегральной ценности системной лингвистики? Специалисты в ответ лишь улыбнутся, поскольку вопрос предполагает простой и однозначный ответ. Но каждое новое оригинальное исследование, направленное на раскрытие объяснительного и прогнозирующего потенциала системного метода, заслуживает внимания и вызывает большой научный интерес.

Недавно в Издательском Доме ЯСК вышла книга *Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А.* Системный взгляд как основа филологической мысли (М., 2016. 440 с.), дающая объемное представление о возможностях системного метода в филологии и лингвистике.

В традиционной классификации научных жанров эта книга должна быть отнесена к коллективным монографиям, но сформулированный авторами в предисловии замысел — книга в четырех частях — точнее отражает главную идею издания: дать представление о многообразии приложений принципов системной лингвистики в различных конкретных областях языковедческих исследований, особенно тех, которые сегодня рассматриваются как актуальные. Здесь же авторы поясняют принятую ими трактовку системного метода в свете учения Геннадия Прокопьевича Мельникова (1928–2000) о внутренней — типологически характерной — детерминанте языка (внутренней форме, коммуникативном ракурсе) как о едином системообразующем начале, обусловленном внешней детерминантой (особенностями языкового коллектива и условий общения). В конце коллективной монографии будет отдельно обращено внимание на причины недостаточной востребованности научного наследия Г. П. Мельникова в современной лингвистической среде: «...слишком много усилий требуется для того, чтобы войти в герметичную систему. К сожалению, продуманная гносеология плохо укладывается в общую эпистему, не подлежит мифологизации и идеологизации, не включается в оборот научного дискурса, поскольку претендует на понимаемую в духе русского позитивизма “научность”. Г. П. Мельникову необходимо было всё — не приватизировать, как говорят постмодернисты, — а адаптировать с целью сохранения целостности знания» (с. 309).

В первой части книги, которая написана М. А. Рыбаковым и называется «Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г. П. Мельникова», излагаются общие представления о предмете типологии и эволюции типологических воззрений. Отвечая на главные вопросы о том, что мешало системной интерпретации типологических данных и что необходимо для построения четкой системной теории, раскрывающей сходства и различия языков, М. А. Рыбаков обращается к семантической типологии, составляющей ядро объясняющего потенциала типологической лингвистики, к центральной для системной лингвистики категории «внутренней формы». «Элементы внутренней формы выполняют функцию специальных посредников, которые обеспечивают возможность ассоциации элементов внешней формы — и, следовательно, воспроизводимых с их помощью знаков речевого потока — с элементами внеязыкового мыслительного содержания» (с. 84).

Автор подробно останавливается на изложении основных понятий системологии Г. П. Мельникова, прежде всего, понятия детерминанты языка. Иллюстрируя идею преемства и развития в современной типологии, исследователь наблюдает за сменой различных моделей и концепций падежной категории, пожалуй, центрального пункта дискуссий об универсальном и идиоэтническом в языках различного строя. Базой для семантической трактовки падежной категории М. А. Рыбаков считает «системную теорию предикации».

Поскольку созданное Г. П. Мельниковым учение о системной лингвистике, о системной типологии языков и на его основе разработанная оригинальная концепция системологии являются общеметодологической базой лингвистических разысканий, то и первая часть книги, посвященная глубокому анализу научного наследия этого выдающегося отечественного ученого-энциклопедиста и изобретателя, становится теоретико-методологической основой всего монографического исследования.

С поставленными в первой части книги вопросами семантической типологии хорошо коррелируют идеи, высказанные в написанной В. Н. Денисенко второй части — «Моделирование системы языка». Автор настаивает на том, что метод семантического поля «обладает значительным и пока еще не раскрытым потенциалом в области сопоставительно-типологического исследования языков и выявления лексических универсалий» (с. 147). В главе «Исследовательский потенциал метода семантического поля» в качестве иллюстрации впервые рассматривается тезаурусообразующий концепт «изменение» и его английский коррелят; анализируется процесс формирования семантического поля как динамическое состояние. По мысли автора, семантическое поле можно интерпретировать как целостную и «напряженную» структуру иерархически зависимых единиц, выполняющую главную внутрисистемную языковую функцию — системное отражение фрагмента внеязыковой действительности на базе дискретных референтных образований.

Весьма удачно в качестве метаязыка семантического описания В. Н. Денисенко использует наименования «функций», принятые в модели «Смысл – Текст», в чем ярко прослеживается влияние семантической школы Л. А. Новикова. Автор подчеркивает эффективность своего выбора для иллюстрации «обратимости» семантических отношений внутри поля: «...функция является в таком ее понимании не только реализацией общего, главного и частного значения лексических единиц, но и семантической основой поля» (с. 163). Обращаясь к структуре семантического поля, В. Н. Денисенко показывает важность функции перехода от гипонима к гиперониму, раскрывает функциональную основу важнейших категориальных отношений в лексике: синонимии, антонимии, конверсии.

В третьей части книги — части О. И. Валентиновой «Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов» — рассматривается, с одной стороны, типология текстов как тесно связанная с таксономией, теорией классификации и систематизации сложноорганизованных областей деятельности (что в теоретических обоснованиях соответствует первой части книги), с другой — оригинальная авторская концепция истории русского литературного языка. «Мы говорим об исторической типологии текстов, которая не может не быть системной типологией, но нам важно подчеркнуть уже в самом названии идею динамического исторически значимого изменения» (с. 175). Автором разрабатывается отрасль герменевтики, в которой актуализируется исторический аспект. Главной задачей О. И. Валентиновой становится реконструкция синхронного тексту культурного сознания с помощью этого же текста.

В этой части монографии представлена интересная авторская трактовка этапов истории языка как этапов изменения культурного поля. Сначала дается средневековая модель соотношения формы и содержания; рассматриваются три хронологических и смыслообразующих пласта: ветхий, новозаветный и современный составлению текста; эмпирическим материалом служит текст «Слова о Законе и Благодати». Следующим этапом изменения культурного поля становится визуализация и расцвет святости; появляется «извитие словес»; развиваются агиография и иконопись; агиограф и иконописец свидетельствуют о созерцаемом. Далее на примере смыслоразрушительных контекстов «Жития протопopa Аввакума» анализируются десимволизация, сверхсубъективность, произвольность аналогий, семиотическая дискредитация божественного чудесного. О. И. Валентинова обнаруживает борьбу двух начал: попытки реставрации «высокого кода» и его «предельное обрушение»; считает десакрализацию основным вектором изменения семантики в русском литературном языке вплоть до сегодняшнего состояния; переносит разработанные герменевтические приемы в область изучения художественных текстов.

Особое место в своем исследовании О. И. Валентинова отводит концепции доминанты, научная интерпретация которой опирается в значительной степени на трактовку Ю. Н. Тынянова и Я. Мукаржовского. Доминанта рассматривается как механизм, направленный «на достижение однопонимания текста» (с. 278). Выделяются основные свойства доминанты (векторность, активность, устойчивость), ее сущность и функции, вычленяются уровни доминантного анализа.

Четвертая часть книги — «Системный анализ стиха» — написана С. Ю. Преображенским и посвящена проблемам стихотворной речи. Автор выстраивает теоретико-методологическую основу своего исследования с опорой на учение о системной лингвистике Г. П. Мельникова, в котором видит глубокие «объясняющие возможности» в проекции на стихотворные произведения. В качестве научно перспективной представляется идея функционирования стихотворной речи как элемента языковой системы с ритмически организованными сигналами. Соглашаясь с М. М. Кенигсбергом и популяризатором его идей М. И. Шапиром, С. Ю. Преображенский делает одним из ключевых понятий в своей работе «стихему», которое вполне уместно в контексте системного анализа: «стихема подразумевает... сложный синтез синтаксемы и синтагмы на основе некоей ритмической формулы» (с. 318). Закономерным выглядит дальнейшее обращение автора к исследованию лингвистических и ритмических особенностей «стихотворных формул», которые далеко не всегда имеют однозначную версификационную интерпретацию.

Наиболее детальному анализу подвергается «шевченковский» шестисложник, который стиховедами квалифицируется предельно полемично: как хорейский ритмический ход (В. Е. Холшевников), ритмическая инверсия (А. П. Квятковский), мелодическая синкопа (К. Ф. Тарановский). Рассматривая «шевченковский» шестисложник в качестве ритмико-синтаксической фигуры, С. Ю. Преображенский исследует историю формирования и утверждения шестисложника в поэзии XIX–XX вв., лингвистические и стиховые особенности этой ритмико-синтаксической фигуры в украинской, белорусской, русской, болгарской, польской поэзии, обращается к проблеме «украино-русских» переводов. Анализируется функционирование шестисложника в переходных стихометрических формах и полиметрических конструкциях, сопоставляется индивидуальная ритмическая организация шестисложника с классическими версификационными трактовками. С. Ю. Преображенский приходит к выводу, что «шевченковский»

шестисложник органичнее всего определить как «стихему, амбивалентную в отношении силлабики / силлабо-тоники» (с. 336) и вместе с тем как «общеславянскую двуакцентную и двусловную стихему» (с. 320).

В других разделах своей работы автор обращается к не менее спорным проблемам стихотворной речи. На основе анализа стиха И. Ореуса (Коневского) и А. Добролюбова — наиболее ярких представителей русского символизма, в творчестве которых произошло структурное сближение стиха и прозы, — С. Ю. Преображенский выдвигает гипотезу о типологической близости микрополиметрии и молитвословного стиха. Думается, что намеченные интерпретационные векторы дают большие возможности для дальнейшего исследования поставленной стиховедческой проблемы. В широкий лингвистический контекст (польской акцентной системы, украинской версификации, балто-германского ареала) встраивается анализ логоэдической формулы адония, которая, вслед за «шевченковским» шестисложником, трактуется как «интернациональная двусловная стихема». Представляется, что для изучения в рамках системной лингвистики будут небезынтересны и другие логоэдические размеры — не только дактилохореические, но и ямбо-анапестические, а также все разновидности пеонов.

Завершается монография «Системный взгляд как основа филологической мысли» тематическим указателем (составлен Н. А. Бубновой), дающим представление не только о структуре книги и общем ее содержании, но и о системных связях, эволюции идей и понятий. Поскольку различные частные понятия могут входить в разные рубрики, то и «тематический указатель можно считать своеобразной макросистемой, формирующейся из микросистем корневых рубрик» (с. 377).

После тематического указателя следует именной указатель, а в самом конце книги дается «Словарь концептуально значимых понятий» (с. 395–440).

Настоящая коллективная монография демонстрирует высокий научный потенциал, содержащийся в системном подходе к объектам филологического изучения, привлекает внимание читателя к научному наследию Г. П. Мельникова и по своей адресации удачно сочетает два принципа: широкий охват проблем и конкретизацию и специализацию.

Понятно, что в научной работе такого объема и такого разноаспектного характера неизбежны недочеты и недоработки. Можно критиковать авторов по многим позициям, начиная с нарушения соразмерности частей книги и заканчивая не совсем удачным словоупотреблением в «причинной типологии текстов», можно дискутировать по поводу спорных терминов, слишком оригинальной научной импровизации в традиционных областях филологической науки и т. д.

Но есть одно существенное обстоятельство, затрудняющее критику. Авторы с такой благодарностью, с таким уважением и теплом написали о своих выдающихся учителях — блестящих русских лингвистах Г. П. Мельникове, Л. А. Новикове, А. В. Широковой, О. С. Широкове, Л. Г. Зубковой, с таким вниманием отнеслись к их научному наследию, что остается только поклониться О. И. Валентиновой, В. Н. Денисенко, С. Ю. Преображенскому и М. А. Рыбакову и дать их работе самую высокую оценку.